

Марина Эльденберт
Луна Верховного 2

«Литнет»

2022

Эльденберт М.

Луна Верховного 2 / М. Эльденберт — «Литнет», 2022

Говорят, что встретить истинного в наше время невозможно, что это сказки для волчат. Но одна ночь переворачивают мою упорядоченную жизнь, случайная встреча дарит мне мою волчью пару. Только Рамон Перес отказывается признавать, что мы предназначены друг другу. Он холоден, суров, и заявляет, что от меня ему нужен только ребенок. Учитывая, что это мой единственный шанс стать матерью, я не собираюсь отдавать моего малыша. Правда, оказывается, что убеждение истинного не единственная моя проблема. Вторая книга трилогии.

© Эльденберт М., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

ГЛАВА 1

Венера

— Твой брат, Микаэль. Рамон погиб.

У меня зашумело в голове, будто саму захлестнуло волной и уволокло под воду с силой водоворота.

Рамон погиб?

Это невозможно,

Этого не может быть.

Это бред!

— Кто вы такая? И почему решили, что Рамон мертв?

Я уже не помню, как оказалась на первом этаже, просто поймала себя на последней ступеньке лестницы. За спиной Микаэля.

Волчица вскидывает голову и будто выстреливает в меня взглядом. Я хорошо знаю этот взгляд. Не у нее, а в принципе. Раздражение, смешанное с высокомерием. Смотрит как на букашку, но мне сейчас все равно.

Не все равно только на ее слова.

— Не думала, Микаэль, что у вас настолько беспардонная стая, чтобы влезать в наш разговор.

Ха! Я не стая, мне все можно! Но Микаэль меня удивляет и за беспардонность не извиняется:

— Сообщаете такую чушь и ждете... Чего? Что мы поверим?

В раздражение вмешивается сочувствие. Но не то сочувствие, когда действительно сопереживаешь чужому горю, а когда думаешь: «Бедные глупые волки, как они живут без мозга?»

— Я спутница верховного старейшины Абрахама, — поясняет она для меня и поворачивает голову в сторону Мика: — Я не прошу тебя мне верить или доверять. Я пришла сюда для того, чтобы сообщить о гибели Рамона. Вертолет, на котором летели он и верховный старейшина Илайя взорвали. Его обломки упали в море. Вместе с телами вервольфов.

В голове шумит сильнее, хотя мое племя не жалуется на проблемы с давлением или метеочувствительность.

Я бы упала, там, на месте, если бы Микаэль меня не подхватил. Сразу вспоминается и недавняя паническая атака, которая вовсе могла быть не панической атакой, а смертью истинного, которую я почувствовала на расстоянии. Разрывом нашей с ним связи.

Меня всю колотит, горло сдавливает, язык отказывается меня слушаться, а разговор Мика и этой Альмы почти проходит мимо моего сознания. Она говорит о том, что я и так знаю — Рамон отправился за Мишель. Но так и не долетел, его вертолет взорвали.

— Вы привезли его тело? — голос альфы доносится до меня словно издалека. Он держит меня за руку, и только поэтому я держусь.

— Нет, его тело мы пока не нашли. — Облегчение — и новый гвоздь в мое сердце: — Некоторые фрагменты мы еще пытаемся опознать. Сам понимаешь, после взрыва даже вервольфам сложно выжить. Даже если они обладают феноменальными способностями.

Феноменальные способности.

Меня будто бьет этими словами. Наотмашь. Кто в Волчьем Союзе знает о том, что Рамон божественный? Все или только тот, кто пытается управлять его жизнью? Пытался управлять... Нет, Венера, ты не будешь думать, что он действительно мертв!

— Сообщите мне, когда найдете Рамона. Или если он свяжется с вами раньше, чем со мной.

— Надеетесь на лучшее? — приподнимает бровь Альма.

— Я привык доверять фактам. Всего доброго.

Седая волчица поджала губы и, мазнув по мне взглядом, покинула дом Микаэля вместе со своей охраной.

Стоит двери закрыться, как Мик буквально подхватывает соскальзывающую на пол меня. Несет на небольшой диванчик.

— Венера, дыши. Дыши глубоко, — приказ альфы врезается в меня, заставляя делать то, что он говорит. И я делаю вдох и кашляю, потому что его слишком много для той, что только что не дышала. — Венера, это провокация.

Мне хочется в это верить. Всем сердцем хочется.

— Тогда почему он не отвечает на звонки?

— Я не знаю, — Мик выглядит несколько растерян. — Но я знаю, что у моего брата всегда есть запасной план. А Альма, — он переводит злой взгляд на дверь, — не та, кому бы я доверял.

— Зачем ей лгать?

— Хочет подобраться ко мне. Чтобы у нас не было неприкосновенности. Или к тебе.

— А если она не лжет? — Рядом оказывается Сиенна, за ее спиной маячит Хавьер. Глаза первой волчицы красные. — Что, если Рамона правда больше нет?

— Сиенна! — не то шипит, не то рычит ее пара. Но, кажется, сейчас помощь альфы ей нужнее, чем мне.

— Хавьер, присмотри за Венерой, — приказывает Мик и утаскивает Сиенну куда-то вглубь дома.

У моего телохранителя даже природная смуглость слегка сошла, а так он по-мужски не выдает своих чувств.

— Воды? — интересуется он, но я качаю головой. Кажется, приказ альфы подействовал на меня успокаивающе. Чего он и добивался.

— Что нам делать?

— Ждать, когда Рамон с нами свяжется.

Уверенность Хавьера в верховного меня потрясает.

— А если... Если он не свяжется?

— Тогда жить дальше. Ради вашей дочери.

Три недели спустя

— Альфа, сними приказ.

С этого начиналось каждое мое утро. С моего визита в кабинет Микаэля и с этой просьбы. Я просыпалась, принимала душ, одевалась и спускалась вниз, чтобы в очередной раз вразумить брата Рамона.

— Нет, — даже не отрывается от экрана монитора Мик. Наверное, для него мои просьбы уже привычка, но я не собираюсь сдаваться.

Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь провести под приказом, как провела последние недели.

Приказ альфы — не просто слова. Если ты давала клятву верности, альфа может приказывать все, что угодно, и ты исполнишь. Это вшито в подсознание всех вервольфов. Инстинкт. Это можно нарушить, но тогда расплата неизбежна — тело начинает тебе мстить, чувствуешь себя ужасно. Не морально, потому что нарушил, а физически. Боль в голове, во всех суставах. Я никогда не пробовала, но о таких вещах в стаях рассказывали с детства. Не будешь слушаться альфу — будешь страдать.

Сейчас я бы даже рискнула. Если бы была одна! Если бы нужно было думать только о себе, а не о малышке.

Самое обидное, что именно с нее все и началось. Сначала Альма принесла новости о гибели Рамона, но Мик, а затем Хавьер меня успокоили. Но стоило попытаться подняться с диванчика, низ живота пронзило острой болью. Я взвыла и едва не свалилась на пол. Когда телохранитель понял, в чем дело, то сразу же отнес меня в медицинский корпус. Да, на территории стаи Микаэля был отдельный дом, который можно было считать больницей.

Все закрутилось, завертелось, появилась доктор Сураза, прибежали ассистенты. Я могла только дышать в перерывах между накатывающими волнами боли, а после рядом появился Микаэль. Он приказал мне оставаться спокойной и не думать о том, о чем сообщил Волчий Союз. И о том, что Рамон может быть...

В общем, как только я начинала думать про смерть Рамона у меня начинала кружиться голова. Пресекала эти мысли, и все становилось вроде бы нормально. «Вроде бы» здесь было ключевым, потому что прошло много времени, а я все еще находилась под действием приказа.

— Альфа, это превышение полномочий и злоупотребление властью.

Микаэль наконец-то оторвался от компьютера и недобро сверкнул глазами в мою сторону.

— Венера, ты чуть не потеряла ребенка.

— Доктор сказала, что угрозы не было. Я просто переволновалась. А кто бы на моем месте не волновался?

Я правда чувствовала себя хорошо, и именно это меня и беспокоило. Если бы я, конечно, могла беспокоиться. Но меня как раз раздражало мое спокойствие. Успокоительный приказ Микаэля действовал на меня как антидепрессант. Повышал уровень гормонов счастья в моей крови. Я была счастливой и беззаботной. И мне было плевать, что мой истинный...

Я ухватила за стул, чтобы не упасть от пошатнувшейся перед глазами картинки, а второй рукой обняла прилично округлившийся живот. Да, малышка подросла и продолжала расти.

Микаэль вскочил со своего места и спустя мгновение был рядом, усаживая меня на стул.

— Может, тогда не было угрозы, но она может возникнуть.

У меня не было страха, не было переживаний, возможно, поэтому я ходила к альфе каждый день. Чтобы получить свой ответ и уйти. Не будь этого проклятого приказа, я бы давно получила то, что хотела.

А я хотела чувствовать. Не под анестезией. Не под приказом

— Угроза может возникнуть, если я выйду на лестницу и снова подумаю о Рамоне, — я посмотрела Мику в глаза, но в ответном взгляде увидела лишь решимость поселить меня на первом этаже и запретить пользоваться лестницей.

Раздражение на мужчин-паникеров вспыхнуло и привычно погасло.

— Я не запрещаю тебе думать о Рамоне, Венера. Я не хочу, чтобы ты нервничала. Чтобы страдала. Мне достаточно матери и Сиенны.

Микаэль морщится, будто от зубной боли, и его можно понять. Приказ-антидепрессант достался только мне, другое дело Анджелины и Сиенны. Мать Рамона практически не выходила из своей комнаты, не спускалась на совместные ужины, ни с кем не общалась, молча переживая горе. Сиенна была ее полной противоположностью. Она могла разрыдаться прямо за обедом, попросить прощения и сбежать. Затем развила бурную деятельность по похоронам Рамона, чтобы проститься с ним «как положено». Эти «похороны» и стали последней каплей в чаше моего терпения. Ни один приказ, ни одно лекарство не смогло поколебать моей решимости отменить эту ерунду.

— Вот именно, альфа. Ты заботаешься о себе, а не обо мне.

— Я забочусь о племяннице.

— Нет, тебе лениво разгребать все это дерьмо, — усмехнулась я. Будь я в нормальном состоянии, это мог бы быть сарказм, а так получилось даже весело. Поэтому я посерьезнела. — Ты можешь заботиться о чем угодно или о ком угодно, Микаэль, но отнимать мое святое право переживать за моего мужчину точно не можешь. Это по меньшей мере жестоко.

Мои слова попали точно в цель, потому что альфа помрачнел, словно грозовое небо над Вилемией. Именно такой сейчас была погода за окном.

— Я не хочу, чтобы ты страдала, — выталкивает он из себя.

— Я не сомневаюсь в этом. Но это не твои чувства, мои. Я должна прожить их сейчас. Ты не прав, что так поступаешь со мной.

Альфа смотрит на меня долго, но потом все-таки нехотя кивает.

— Не хочу, чтобы ты присутствовала на похоронах, — признается он.

— Даже не собираюсь участвовать в этом фарсе, что устраивает твоя жена. Я не верю, что Рамон мертв.

Микаэль вскидывает брови, затем хмурится: в его взгляде плещется недоверие пополам с сочувствием. Потом альфа опирается о стол напротив меня и тяжело вздыхает.

— Я снимаю приказ.

Горьковатый привкус волнения врывается в меня, пульс ускоряется от резкого всплеска адреналина, но дышится теперь намного свободнее. Сейчас я все чувствую. Не только волнение, а все чувства, и среди них самое главное — любовь. Именно оно позволяет мне жить и надеяться.

— Ты действительно в это веришь, Венера? Что Рамон...

Он не заканчивает фразу, а я прислушиваюсь к своим чувствам. Гибель пары — это серьезно, и там, где сердце, у меня должна возникнуть черная дыра. Если, конечно, Рамон мертв. Но нет, ничего подобного я не чувствую.

— Я знаю, что он жив, Микаэль.

— Прошло три недели. Брат обязательно дал бы о себе знать. Не стал бы рисковать, когда у меня ты вместе с его дочерью. Он не стал бы заставлять тебя волноваться.

Мик наблюдает за мной, нарочно давит каждым аргументом, но для меня это не аргументы вовсе. Какое счастье думать о случившемся с Рамоном, сопоставлять факты, анализировать.

— Значит, пока он не может сообщить нам о том, что жив.

— Я сначала тоже так думал, но с каждым днем понимал, что продолжаю себя обманывать.

— Это не самообман, альфа. Это вера. Рамон — моя истинная пара. Я бы почувствовала, если бы его... не стало. А я почувствовала, когда на него напали. Не придавала этому значения, но я почувствовала. Ему было больно. Но сейчас... Он будто без сознания.

Во взгляде Мика вспыхивает надежда. Вспыхивает и гаснет.

— Что, если ты ошибаешься?

— Тогда мне придется с этим жить. Жить ради дочери. Но и хоронить Рамона раньше времени я тоже не собираюсь.

Мы смотрим друг друга в глаза, и я понимаю, что альфа мне верит. По крайней мере, верит в то, что верю я.

— Сиенне это не понравится, но мы отложим похороны.

— Спасибо, — киваю я и поднимаюсь.

— Если ты что-то почувствуешь, сразу сообщи мне.

— Договорились, альфа. А ты больше ничего мне не приказывай. Я хочу чувствовать себя и Рамона. Если что-нибудь изменится, ты узнаешь первым.

Микаэль провожает меня до двери.

— Что бы это ни было, — уточняет он. — Даже если мои худшие опасения подтвердятся.

— Тогда ты сможешь прогнать меня со спокойной душой.

— Что? — Он ругается на вилемейском и не позволяет коснуться дверной ручки, преграждая мне путь: — Венера, ты же не думаешь, что я выгоню тебя из стаи?

— Рамон оставил меня на два дня, а я задержалась.

— Это не отменяет того, что теперь ты часть семьи. Ты можешь остаться здесь. Независимо от того, жив мой брат или нет.

Это меня немного успокаивает. Если вообще можно оставаться спокойной в такой ситуации. Приказа альфы больше нет, и меня понемногу потряхивает. Но так лучше. Так правильнее. Поднимаясь в свою комнату, я продолжаю прислушиваться к собственным чувствам, но по-прежнему не чувствую связи с Рамоном.

А ведь она была! Мы общались ментально. Я позвала его, когда мне подкинули змей. Рамон убедил меня, что я тогда кричала, но кричала я исключительно мысленно. Получается, если он тогда услышал меня, то может услышать и сейчас.

Остается только позвать.

Чем я и собираюсь заняться в спальне. Ложусь на кровать, делаю глубокий вдох и еще более глубокий выдох. И снова.

Но быстрые шаги и настойчивый стук в дверь нарушают мои планы. Я даже знаю, кто стоит по ту сторону двери, и открывать совсем не хочется.

— Венера, нам нужно поговорить, — не просит, требует первая волчица. Спешка означает только одно — Мик уже передал супруге, что церемонию прощания с верховным придется отложить.

И действительно, когда я сползаю с кровати и открываю ей дверь, Сиенна злая. Глаза сверкают желтым, ноздри раздуты, а ее тон обвиняющий:

— Как ты могла отменить церемонию?

— Я? Это сделал альфа.

— По твоей указке!

— То есть я влияю на решения твоего мужа?

Сиенна откровенно подвисает: открывает и закрывает рот, как рыба, выброшенная на берег. Ответить мне «да» означает признать, что я имею власть над Микаэлем. А если я этой власти не имею, то и какие ко мне претензии?

Удивительно, я выдерживаю яростный взгляд с божественным спокойствием, будто все еще нахожусь под приказом. Сиенна далеко не дура, просто, как когда-то сказал Рамон, слишком импульсивная, иногда сначала делает, потом думает. Как сейчас.

— Я понимаю твои чувства, — она складывает руки на груди. — Действительно понимаю.

А я понимаю, что Сиенна говорит про ребенка, которого когда-то потеряла.

— Но лучше мы сразу простимся с Рамоном. Проводим его в последний путь и перестанем подпитывать себя ложными надеждами.

— Сиенна, Рамон мне все рассказал. Про твою горе. Про его горе. Но это не одно и то же. Мой истинный все еще жив.

— Он не может быть твоим истинным! — выпаливает она и прикусывает губу. Так и читаю в его взгляде злость уже на себя саму. Вроде того, что кое-то сболтнул лишнего.

— Это почему? — хмурюсь я.

— Это обман, понятно? Дар божественных. Чтобы в них влюблялись волчицы. Поэтому Рамон не хотел жениться. Не хотел иметь ничего общего с нашим племенем. С волчицами. Встречался только с людьми. Я тоже считала, что я его истинная. Избранная прямым потомком самих Предков, особенным волком. И жестоко за это поплатилась.

— Ты сама от него отказалась?

— Это он так сказал? — усмехнулась Сиенна, но как-то совсем невесело. — Ну-ну. Мы должны его похоронить.

В ее глазах решимость, но во мне решимости не меньше.

— Я не собираюсь хоронить живого волка. Я собираюсь достучаться до него. Ментально.

— Ты его не почувствуешь, Венера. Эта связь односторонняя. Была односторонней, пока он...

Она закрывает ладонью рот, резко поворачивается и уходит.

А я возвращаюсь на кровать, к прерванному занятию. Только сосредоточиться не так просто. Слова Сиенны разбредили старые раны, а еще совсем меня запутали. Что же случилось тогда, десять лет назад? Между ней и Рамоном. Кто от кого отказался на самом деле? Мне нужно все выяснить.

Как ни странно, сфокусироваться помогает дочь. Она начинает толкаться, напоминая мне о важных вещах. О том, что надо бы найти ее папу. Найти и передать ему, что он не один.

Я дышу, пока не расслабляюсь полностью. Раньше, когда меня преследовали панические атаки, я делала это для того, чтобы заглянуть вглубь своего сознания. Сейчас я делаю это для того, чтобы заглянуть в сознание истинного.

Но натываюсь на плотную стену. Как будто не могу до него дотянуться.

А может, и не могу. Может, мы слишком далеко друг от друга.

Кажется, мне нужна консультация специалиста. То есть того, у кого есть истинная пара.

ГЛАВА 2

Я была знакома, по меньшей мере, с двумя истинными парами, но, не раздумывая, открыла ноутбук и написала Чарли и Доминику. Я бы сразу позвонила, но в Крайтоне еще слишком рано, а значит, нужно немного подождать. Несколько часов — всего ничего в сравнении с потерянным временем.

С Чарли я связывалась несколько раз будучи под приказом, но, конечно же, ни слова о Рамоне не сказала. Судя по нашему последнему разговору, Волчий Союз также не спешил объявлять всем об атаке на верховных. Доминик тоже ничего не знал, несмотря на то что был старшей Легории. Но если я расскажу, он может мне помочь. Действительно может помочь. Что-то узнать. Как-то найти моего истинного. Я почти себя убедила, что теперь все смогу.

Нужно только дождаться ответа Доминика.

И вот когда чего-то ждешь, время тянется невероятно медленно. Растягивая каждую минуту, трансформируя ее в часы, а то и дни. Но теперь у меня не было приказа, который успокаивал нервы. Успокаиваться приходилось самостоятельно. Поэтому звук шагов и стук в дверь показался мне спасением.

На пороге оказались доктор Сураза и Альваро.

— Добрый день, Венера, — поздоровалась Франческа. — Микаэль сказал, что тебе, возможно, понадобится моя помощь.

Кто бы мог подумать, что альфа такой болтун! Все уже в курсе, что я могу волноваться?

— Альваро вы прихватили за компанию?

— И ради перевода.

Да, я понимаю уже процентов восемьдесят из того, что говорят окружающие. Особенно когда они говорят медленно. Но вот собственное произношение страдает на все четыре лапки, плюс у меня попросту жуткий акцент. Поэтому я всех понимаю, а меня — не всегда.

Альваро сегодня молчалив и мрачен, хотя, может, он в последнее время такой, и я не замечала этого под эйфорией приказа. Но он не спешит вмешиваться в наш с доктором разговор.

— Венера, не нужно было отказываться от помощи Микаэля, — упрекает меня Франческа. — Мы тогда избежали кризиса, но сейчас главное не вернуться к нему. Ты в очень уязвимом положении.

— Я знаю, Франческа. Но я не собираюсь устраивать рыдания в стиле Сиенны. Я сильнее, чем кажется.

Доктор Сураза смотрит на меня с уважением.

— Ты гибкая, — говорит она. — Силу можно победить большей силой, а вот гибкость силой не одолеть.

Франческа кладет ладони на мой живот, прикрывает глаза и чувствует. Это сила волчиц-лекарей, которая окутывает меня мягким покрывалом. Она лучше современных сканеров.

— Все хорошо, — говорит она, отстраняясь, и я облегченно выдыхаю. Потому что вера верой, но слова Сиенны меня все-таки задели. Как задело то, что я позвала Рамона, а в ответ ничего не услышала. — Ты действительно в порядке, девочка? Все-таки такие новости для всех могут стать ударом.

— Я не верю в его смерть.

— Что? — переспрашивает доктор, а Альваро отлипает от подоконника, на который опирался все это время и поворачивается к нам. В его взгляде неверие и надежда: сейчас он очень похож на альфу.

— Она не верит, что Рамон умер, — повторяет он мои слова и пытливо смотрит на меня: — Не веришь?

— Нет, — качаю головой. Хочется рассказать им про истинную пару, но что-то останавливает меня в последний момент. Словно знаю, что не все это поймут. Если Франческа еще может, то для Альваро это вовсе странно, он человек. Поэтому говорю ту правду, которую проще принять: — Для начала мне нужны доказательства.

— Я тоже об этом говорил, — переходит Альваро на легорийский, в его глазах зажигается огонь, хотя он и не вервольф, но они горят непоколебимой верой. — Пока нет доказательств, я отказываюсь в это верить.

Эта поддержка такая милая. И нужная. Потому что мне надоело упоминание похорон.

— Теперь я вижу, что Микаэль зря меня сюда прислал, — перебивает нас Франческа. — Наша девочка чувствует себя прекрасно. Но Венера... — Она осекается, но потом все-таки продолжает: — Если ты все же получишь доказательства, какими бы они ни были, если почувствуешь, что тебе это нужно, обращай сразу к Микаэлю. Или зови меня.

— Обязательно, — обещаю я, понимая, что пожилая волчица так заботится обо мне.

— Если честно, — говорит Франческа, прежде чем уйти, — я тоже очень надеюсь, что Рамон жив.

Альваро остается и переходит на вилемейский: мы договорились, что теперь общаемся только по-вилемейски, чтобы я могла практиковаться.

— Не стал говорить при Франческе, но мне кажется, что Волчий Союз играет в свои игры. Может, вообще схватили Рамона и где-то прячут. Но Альма приезжала сюда неспроста.

— Ты тоже поклонник заговоров.

— Какой есть, — невесело усмехается он. — Но Рамон... Он спас мне жизнь. Я ему обязан. Нет, неправильно сказал. Я не могу вернуть ему долг, но если я как-то могу ему помочь, я все сделаю.

Он распаляется настолько, что начинает эмоционально размахивать руками.

— Он спас тебе жизнь? — уточняю осторожно.

— Да, я ребенок из не самой лучшей семьи. Но это не лучшая история для беременной женщины.

— Расскажи мне, Альваро, — прошу я. — У меня крепкие нервы.

— Отца своего не знаю, а мамаша использовала меня вместо бейсбольного мяча, когда я плохо работал. Потом вообще продала.

— Прдала?!

Для меня, как для будущей матери, это не просто ужасно. Да у меня на голове волосы шевелятся!

— Там, где я жил, это было нормально. Несмотря на то, что преследуется законом. Но спустя время меня купил Рамон и освободил. У меня вроде как врожденная склонность к языкам, так что я оказался полезным.

— Только из-за пользы?

Альваро улыбается так светло, что сложно подумать, что у этого парня такая сложная судьба. Что все эти сложности его не сломили. Он тоже гибкий, может, поэтому мы нашли общий язык?

— Думаю, он меня пожалел. Но вряд ли верховный когда-нибудь признается, что у него большое сердце!

— Я тебя не выдам, — обещаю я в ответ и ойкаю: — Только сейчас заметила, что мы уже несколько минут разговариваем на вилемейском, а я не задумывалась, какое слово выбрать.

— Когда расслабляешься, мозг сам подбрасывает нужные слова.

Точно. Может, у меня не получается связаться с Рамоном, потому что я слишком заиклена на этом?

— У тебя есть план? — спрашивает парень.

— Почему ты так решил? — прищуриваюсь я.

— Считай это интуицией.

— Я хочу попросить друга о помощи. Жду его звонка.

Совпадение или нет, но звонит мой телефон.

— Он?

Взглянув на часы, я качаю головой: слишком рано, в Крайтоне сейчас четыре тридцать утра. Но это оказывается Микаэль:

— Венера, пожалуйста, спустись в мой кабинет.

Голос у него собранный и серьезный, поэтому я поспешно уточняю:

— Это связано с Рамоном?

— Это связано с тобой.

Понимаю, что он больше ничего не скажет, прошу Альваро пойти со мной. На случай, если альфа придумает для меня новый приказ.

— Не позволяй ему это сделать, — прошу друга.

— Как?

— Просто не позволяй.

Но, оказывается, в этом нет необходимости. Потому что я с порога натываюсь на гостя Микаэля.

И на этот раз это Доминик.

Я моргаю, отказываясь верить своим глазам, а затем бросаюсь вперед, обнимаю друга, нарушая все запреты вервольфов на объятия. Мы вообще не любим чужие прикосновения, только от близких людей, но я не могу не обнять Доминика. После всего этого кошмара его присутствие рядом дает мне сил.

Доминик заключает меня в объятия, осторожно, но в то же время будто защищая, проводит ладонью по моим волосам.

— Я тоже рад тебя видеть, Венера.

Слышать родную речь без акцента, слышать его голос — это словно домой вернуться. Он даже пахнет по-особому. Домом. В своей жизни я приносила клятву верности четырежды, но Доминик, наверное, всегда был и останется тем альфой, для которого я делала это со всей своей искренностью. И он здесь.

Он здесь.

— Почему ты здесь? — спрашиваю, отстраняясь и заглядывая ему в глаза.

— Из-за тебя.

Я качаю головой, ничего не понимая.

— Из-за меня?

— Я приехал, чтобы забрать тебя домой, Венера, — объясняет Доминик. Но что-то это вообще ничего не объясняет.

Так.

Я уже не просто отстраняюсь я делаю шаг назад.

— В смысле?

— Нужны какие-то смыслы? — альфа приподнимает бровь. — Кроме тех, что ты член моей стаи, и я прилетел позаботиться о тебе и отвезти тебя в Легорию.

— Венера больше не член твоей стаи, — перебивает Микаэль.

Теперь я обращаю внимания на второго альфу. Он стоит возле своего стола и вид у него, мягко говоря, злой, кажется, что он вот-вот ошестинится или вовсе перекинется в волка. Доминик расслаблен, но это маска. Знаю, что за тех, кого он считает своей стаей, он готов драться. Пусть даже на чужой территории.

Только этого не хватало!

Вдох-выдох, Венера, иначе так можно сойти с ума.

— Для начала я хочу присесть, — говорю я, и, хвала предкам, в этом вопросе мужчины солидарны.

Микаэль подталкивает ко мне кресло, а Доминик помогает в него опуститься. Конечно, я могу сделать это все сама, не до той степени я еще округлилась, чтобы не сесть в кресло, но их забота мне приятна. И радует, что хоть что-то их может объединить. Хотя скорее кто-то.

— Спасибо, — киваю я и поворачиваюсь к другу. — Первый вопрос тебе, Доминик. Почему ты здесь? Я написала тебе где-то час назад, но ты не успел бы за это время пересечь океан.

— Я даже не видел сообщения. Был занят другими делами.

— Разговором с альфой Микаэлем, — предполагаю я.

Доминик знакомо стискивает зубы, так, что у него на лице играют желваки. В этом они похожи с Рамоном. Истинный тоже так делает, когда хочет сдержать чувства.

— Я знаю, что Перес мертв.

— Откуда? — я бросаю взгляд на Микаэля, но тот качает головой. Не от него.

— Волчий Союз рассказал об этом всем старейшинам.

А вот в этом даже не сомневаюсь.

— К вам тоже Альма приезжала?

Судя по хмурому виду Доминика, точно она.

— Они попросили помощи и представили нового верховного старейшину.

Подсуетились, значит! Мне хотелось спросить — кто занял место Рамона, но я сама себя осадил. Это неважно. Важно другое.

— Это не объясняет того, зачем ты приехал за мной.

Доминик нахмурился, будто я сказала что-то абсурдное.

— Потому что Перес мертв, — объяснил он мне по слогам. — И по нашему договору я забираю тебя домой.

Кажется, сегодня я не перестану удивляться.

— Этот пункт был в договоре? — удивленно заморгала я.

Доминик достал телефон из кармана, разблокировал его и вручил мне. Что могло означать только одно — совсем недавно он показывал ту же страницу Микаэлю. Действительно, нужный пункт альфа выделил желтым маркером. Я на него вообще внимания не обратила. Мне даже в голову не пришло, что Рамон может действительно умереть.

Но в пункте говорилось, что в случае его смерти, и я, и ребенок переходили под опеку стаи Доминика.

— Я прилетел, чтобы забрать тебя домой, Венера. — Он мне улыбается, а вот на Микаэля бросает неприязненный взгляд: — И никто не может мне в этом помешать.

Кажется, Мик считает иначе, потому что едва не рычит:

— Венера принесла мне клятву верности. Она теперь член моей стаи.

— Как принесла, так и заберет, — отрезает Доминик. — Точнее ты ее отпустишь.

— Не отпущу. Я дал слово брату, что позабочусь о ней и их дочери.

— Твоего брата больше нет, так позволь его женщине жить, где захочет она.

— А кто сказал, что она этого хочет?

— Я все еще здесь, — напоминаю о своем присутствии.

Они одновременно поворачиваются в мою сторону. А я — что? Меня, конечно, учили не перебивать чужие разговоры и не вмешиваться, когда альфы выясняют, у кого сомнение больше. Но не тогда, когда это напрямую касается моего будущего и будущего моей дочери. А еще моего истинного.

— Венера, ты хочешь домой?

Дом. Какое сладкое слово. И главное, стая Доминика, будь то Морийские леса или моя маленькая уютная квартира в одном из спальных районов Крайтона, действительно были моим

домом. Когда-то. До встречи с Рамоном. И Крайтон, и обширные леса на территории Экротов и Брайсов, теперь затмевали прекрасный тропический остров и мужчина, любовь которого я чувствовала всем сердцем.

— Да, — признаюсь честно. — Я очень хочу увидеть Чарли и Анхеля. Повидать своего психоаналитика. Увидеть снег и побегать по знакомым лесам.

Я улыбаюсь через силу, потому что от всех этих воспоминаний, от милого чувства ностальгии комок в горле. Видимо, я недооценила свое положение, гормоны и чувствительность, и теперь принимаю все близко к сердцу. А может, мне просто приятно, что ради меня Доминик пересек полмира.

— Но правильнее будет остаться здесь. В стае моего мужчины.

Легкая улыбка Доминика, возникающая на его лице при упоминании Крайтона и окраин, тает. Он смотрит на меня так, будто не верит не одному моему слову, а вот Микаэль даже слегка расслабляется. Я бы даже сказала, веселеет:

— Ты будешь последним *эсдеринос*, если решишь увезти ее силой. Если Венера решила остаться, то пусть остается.

— Оставь нас, — приказывает Доминик.

— Нет, достаточно того, что я тебя впустил тебя в мой дом.

— Альфа Микаэль, — прошу я. — Дай нам поговорить наедине. Пожалуйста.

Мне эта приватность нужна не меньше Доминика. Я хотела попросить его о помощи по видеосвязи, но сделать это лицом к лицу — просто подарок самих предков.

— Вернусь через пять минут, — ворчит Мик, видимо, он не может мне отказать, и все-таки уходит.

Я жду, что меня начнут убеждать уехать, но Доминик не спешит, продолжает на меня смотреть. Если бы я не знала грозного альфу Морийских лесов, легорийского старейшину и хорошего дипломата, решила бы, что он не может подобрать слов.

— Что такое эсдеринос? — наконец спрашивает он.

— Лучше тебе не знать. С его стороны это было недипломатично.

Доминик кивает, соглашаясь.

— Венера, ты уверена? Я не одобрял твое решение остаться с Пересом, но остаться в его стае? Точнее, в его бывшей стае. По мне так это слишком опрометчиво.

— Почему?

— Потому что это не твоя семья. Мы, Экроты и Брайсы, Шарлин и Анхель, даже бесов Хантер твоя семья! — Мои глаза расширяются, наверное, до невероятных размеров: насколько же его проняло, если Доминик уже Хантера упоминает как члена семьи. — Здесь ты чужая, Венера. Возвращайся со мной. Возвращайся домой.

Доминик лучше всех способен отдавать приказы, но сейчас он просит. Обещая подарить мне то, чего я хочу — семью и спокойствие.

— Я люблю вас всех, но я останусь здесь.

Взгляд Доминика становится жестким, мигом превращая его в того альфу, которого я знаю.

— Тогда я увезу тебя по праву договора.

— Не сможешь, — качаю я головой. — Потому что этот пункт действителен в случае смерти Рамона, а он не мертв.

— То есть?

— Помнишь, я говорила тебе, что мы с ним истинные? Это правда! И я не почувствовала, что он умер.

Доминик не меняется в лице, хотя, кажется, мне удалось его заинтересовать.

— Ты его чувствуешь?

— Нет, — приходится признаться. — Не чувствую. Потому что не умею. Поэтому и хотела попросить тебя о помощи. Расскажи, как почувствовать свою пару. Как настроить эту связь?

— Мне не приходилось ничего настраивать, Венера. Я просто чувствую Чарли.

— Но так было не всегда!

— Да, но Шарлин жива.

— Рамон тоже жив.

Чем больше раз я это повторяю, тем сильнее уверяюсь в этом. Мне бы только получить доказательства, чтобы мне поверили остальные. Потому что Мик не верит, Доминик тоже не верит. Альваро мне верит, но ему тоже нужны подтверждения.

— Венера...

— Доминик, — перебиваю я, — уверена, случившееся дело рук Волчьего Союза. Рамон им мешал из-за своей особенности.

— Особенность?

Я рассказываю как есть, все-таки Доминику можно доверять. Про божественность моего мужчины, про его врага. Я и так собиралась это сделать.

— И, боюсь, теперь им нужна моя дочь. Потому что она тоже особенная.

До рождения дочки это невозможно было понять, этого не могла определить даже доктор Сураза, но каким-то глубинным чувством я знала, что будет именно так. От нашей истинности, нашей связи другого ребенка просто не может родиться.

Доминик слушает внимательно, хотя продолжает мрачнеть.

— Перес знал все это, и все равно забрал тебя с собой?

— Он не смог отказаться.

— Отмазка так себе. Тебя пытались убить!

— Ты бы тоже от Шарлин не отказался.

— Я бы ее не оставил и на родственников не бросил.

Я сжимаю кулаки:

— Не надо! Не надо говорить, что у вас с Чарли идеальные отношения. Они не всегда были такими.

Доминик хочет что-то сказать, но осекается. Молчит с минуту, прежде чем продолжить:

— И все же ты не хочешь, чтобы я тебя забрал? Дома ты будешь в безопасности. Я смогу обеспечить тебе защиту, не то что местный альфа.

Это заставляет меня прикусить губу: теперь уже я стараюсь подобрать нужные слова.

— Доминик, я верю, что ты меня защитишь. В тебе я уверена гораздо больше, чем в себе. Но, вероятно, именно этого и хочет Союз, иначе бы они не спешили назначать нового верховного. Они хотят меня выманить. Хотят, чтобы я уехала и подставила всю твою стаю. Но даже не в этом дело. Рамон оставил меня в этой стае. Сюда он вернется. За мной. За дочерью. К своей семье.

— А если он не вернется?

— Так помоги мне в этом разобраться. Связаться с ним.

— Нет, — качает он головой. — Я не стану. При всем уважении к тебе и твоему положению, Венера, если он подойдет, туда ему и дорога.

Сначала я не поверила своим ушам, всматриваясь в суровое, будто выточенное из камня, лицо альфы. У меня просто в голове не укладывалось, что Доминик такое сказал. Что он мог сказать такое мне! Зная всю мою историю. Но когда до меня дошло, что это не слуховые галлюцинации, я оказалась на ногах и врезала ему.

Кулаком по плечу, могучий волк даже не пошатнулся, только вздрогнул. Наверное, даже больше от шока, чем от силы моего удара. А я, между прочим, вложила в него все свои чувства:

боль, гнев, обиду, разочарование. Разочарования было больше всего, потому что я верила в нашу дружбу, в то, что мы семья, я надеялась, что Доминик поможет мне с поисками.

Надеялась на его поддержку.

Но после моего удара ничего не поменялось, выражение лица альфы, кажется, сделалось еще жестким, и я поняла, что своего решения он не изменит. Даже если я стану слезно умолять его о помощи или сыпать аргументами, почему он должен принять мою сторону. Не примет.

Доминик против Рамона. Всегда был. А теперь он и против меня.

— Твое право, — выдохнула я. — Извиняться не буду. Если тебе это нужно, пусть это сделает мой альфа.

— Я твой альфа, Венера.

— Больше нет. Как сказал Микаэль, я принесла новую клятву верности.

И откуда во мне столько мстительности? Не знаю, но чувства, клокочущие во мне, словно в кратере вулкана во время извержения, я даже не стараюсь скрыть. Всю жизнь подстраивалась под всех и понимала. Хватит!

— Ты летишь со мной. — Голос Доминика звучит будто утробное рычание. — Однажды скажешь мне спасибо.

— Не лечу.

Я действительно это сказала? Да! Я давно приняла это решение. Пусть даже, как сказал Доминик, здесь у меня нет друзей и родных. Здесь я чужая. Это так. Но если Рамон верил, что в стае Мика я в безопасности, значит, я тоже буду в это верить. Своему истинному я верю.

— По договору...

— По договору, — перебиваю я, — ты можешь меня забрать, если у тебя будут доказательства смерти Рамона. Но их нет. Найдешь — тогда возвращайся.

Глаза Доминика вспыхивают ярко-желтым, черты заостряются, как перед трансформацией в волка, а энергетика такая, что инстинктивно хочется пригнуться, склониться перед ним. Он не просто зол, он в бешенстве.

Но для меня это не имеет значения. Он больше мне не альфа, и я не уверена, что друг.

ГЛАВА 3

Доминик разворачивается и уходит, а я остаюсь одна. Теперь совершенно точно одна. Терпкие, яростные чувства почти сразу сходят на нет, уступая грусти, и я всхлипываю. О своих решениях я не жалею, но что делать дальше?

— Венера? — в кабинете появляется Альваро. — Он обидел тебя?

Судя по виду парня, он ждал за дверью, а сейчас готов бежать следом за альфой, поэтому я мотаю головой и вытираю слезы тыльной стороной ладони.

— Нет. Просто этот разговор меня расстроил.

— Это он? Твой друг, который должен был помочь?

— Он.

— Отказался? — догадывается Альваро.

Я кисло киваю.

— Что теперь делать? — спрашивает парень.

Плакать как Сиенна.

Ждать как Мик.

Или действовать как мой любимый.

Насколько я успела узнать Рамона, он всегда выбирал последнее. Да и я тоже. Никогда не сдавалась. И сейчас не сдамся.

Эти мысли приводят меня в чувства, и тащу Альваро за руку прочь из кабинета. Еще не хватало, чтобы Микаэль вернулся и увидел меня в слезах и соплях!

— Для начала мне нужны салфетки.

Парень тут же вытаскивает из кармана пиджака чистый платок. Даже жаль его пачкать, но через пару минут я готова продолжать.

— Доминик не единственный, к кому я могу обратиться.

К сожалению, это не Чарли. Я могла бы попросить ее надавить на супруга... На самом деле, не могла. Каким бы *эсдеринос* он ни был! Доминик упрется, Шарлин ответит тем же, в итоге я добьюсь только того, что они поссорятся. Но Доминик правильно напомнил мне, что он не единственный мой друг, и что они с Чарли не единственная знакомая мне истинная пара.

Есть еще Хантер и Алиша.

И звонить нужно срочно, пока Доминик не вернулся в Легорию и не убедил всех, что мне лучше дома, в Крайтоне.

— Сделаешь так, чтобы мне никто не помешал? — прошу Альваро.

— Тогда лучше не возвращаться в твою спальню. Там Микаэль будет искать в первую очередь.

Не сомневаюсь, что он будет искать. Волком обернется, только чтобы найти. Но для начала спровадит Доминика.

— Где меня не найдут?

— В СПА-комплексе, — подсказывает парень. — Там есть разделение на мужскую и женскую части.

Да, на территории помимо медицинского корпуса был еще корпус для отдыха с бассейнами, спортивным залом, банями и массажными кабинетами. Про город в городе я не шутила. Я еще ни разу там не была, но теперь есть возможность это исправить.

— Идеально!

Захватив купальник и предупредив Хавьера, я отправилась в СПА. Не для отдыха, а для дела.

Комплекс расположился в одном из дворцов-особняков: старинный снаружи, современный внутри. Меня встретили две темноволосые волчицы из стаи. Они моему появлению удивились.

лись, но искренне обрадовались. Если честно, я думала, что ко мне, как минимум, будут относиться настороженно. Я все-таки чужачка. И, наверное, относились бы, не будь я беременна. А так одна из волчиц, примерно моя ровесница, даже попросила подержать меня за руку, чтобы предки благословили ее на своего ребенка. Старшая на нее шикнула, но я протянула ей руку. Меня такое трогательное, почти суеверное отношение удивило. Если бы я не торопилась, то пообщалась бы с ними подольше, потренировала бы свой велейский. Но меня ждал не менее важный разговор.

Я набрала Хантера еще в раздевалке. Я работала секретарем Доминика несколько лет и знала все важные номера наизусть. Телефон Хантера я выучила не тогда, когда он стал легорийским старейшиной, а раньше — когда имани защитил меня от Августа: если есть кто-то, кого боится твой мерзавец-бывший, то лучше иметь его контакты под рукой.

В раздевалке никого не было, а моя охрана осталась за пределами комплекса, так что помешать мне никто не мог.

Разве что разница во времени.

Но даже она на этот раз была на моей стороне, потому что Хантер взял трубку после второго гудка.

— Привет, Ви!

— Привет, Хантер. Не разбудила?

Если у Доминика голос грубоватый, то у второго старейшины он более приятный, бархатный, слегка хрипловатый. Из чего я делаю вывод, что я нарушила его сон, но Хантер тут же развеивает мое предположение.

— С такими новостями не уснешь.

— С новостями?

— Ты отказываешься возвращаться домой.

Значит, Доминик уже всем все сообщил! Когда только успел?! Последнее я спрашиваю вслух, потому что моему возмущению нет предела.

— Прислал сообщение. Приказал тебе не помогать.

— Эсдеринос! — выпаливаю я.

— Мило, — смеется Хантер. — Я учил вилемейский в институте. Не сказать, что хорошо его знаю, но матерные слова помню. Кажется, это означает пороссячий хр...

— Хантер! — перебиваю я. — Я позвонила тебе не за этим. Я действительно отказалась возвращаться в Крайтон, и мы с Домиником поссорились.

На той стороне короткая пауза, от которой мне хочется кусать губы. Не просто кусать, сгрызть нижнюю.

— Дай угадаю, большой белый волк обиделся, что все пошло не по его плану.

Слышал бы Доминик, как о нем отзывается второй старейшина... хотя он, наверное, в курсе. Хантер всегда говорит то, что думает. Особенно Доминику, они когда-то были соперниками за сердце Чарли. Она выбрала «белого волка», а чуть позже Хантер встретил свою истинную. Мужчины друзьями не стали, но прислушивались к словам друг друга и точно совместно работали во благо стаи Легории.

— Вроде того.

— Хочешь, чтобы я вас помирил?

— Нет, — отрезаю я, и у меня сдают нервы. А может, мне просто нужно выговориться. — Потому что я не готова его прощать! Особенно за это сообщение. За приказ тебе.

— Когда это я слушался его приказов, Ви?

Мое сердце пропускает удар. В надежде. Я выдохнула и опустила на скамью в раздевалке.

— Значит, ты поможешь мне? В конце концов, Рамон был на вашей с Алишей свадьбе. Он провел церемонию.

— Ага, но перед этим чуть не посадил меня.

Предки, мой любимый успел перебежать дорогу всем моим друзьям!

— Хантер, никто из нас не идеален, но Рамон мой истинный.

— Ты уверена в этом?

— А в этом можно быть уверенной? Ты сразу понял, что Алиша твоя истинная?

Лучшая защита нападение, и я нападаю.

— Если честно, нет, — отвечает Хантер. — Но у меня была причина. Моя особенность.

— Рамон тоже особенный.

— Я про то, что во мне кровь имани, моей матери...

— А Рамон ужасный волк.

— Ты про доисторического? — тон Хантера из дружелюбно-шутливого мигом превращается в серьезно-заинтересованный. Вот что значит историк! Знает, кто такой ужасный волк.
— Это с его слов?

— Я видела его во второй ипостаси и знаю, о чем говорю.

— Кто бы мог подумать.

Кажется, последняя фраза из разряда мысли вслух и не требует ответа. В отличие от следующего вопроса:

— Почему ты решила, что вы истинная пара?

— Во-первых, меня изначально тянуло к Рамону, как ни к одному мужчине. Во-вторых, я забеременела после единственной ночи, хотя все доктора говорили, что я бесплодна. А в третьих, он меня услышал, когда я была в опасности. Как было у Доминика с Чарли, и у тебя с Алишей.

— А ты его слышала?

— Нет, — решаю признаться честно. — Не слышу, не чувствую, но не перестаю надеяться, что Рамон жив.

— Почему?

— Потому что люблю его.

Вот я и сказала. Сказала и мысленно себя отругала. Не только себе призналась, Хантеру тоже. Он теперь подумает, что я истинность с влюбленностью перепутала!

— Какая помощь тебе нужна, Венера?

— Его вертолет разбился возле Нималуйского архипелага. — Мне об этом рассказал Хавьер. — Если бы ты послал поисковую группу от Легории...

— Нималуйский архипелаг? — перебивает меня Хантер. — Территория Джайо?

— Да, — отвечаю, но внутри все сжимается от нехорошего предчувствия.

— Мне жаль, Венера, но для нас эта территория под запретом. Волчий Союз закрыл к ней доступ, там сейчас война. Если Легория вмешается в военный конфликт, то наживет себе врага в лице Союза. Не говоря уже о том, что здесь точно придется договариваться с Домиником.

Война.

Ни Микаэль, ни Доминик не сказали о том, что там, где находится Рамон, сейчас война. Поэтому они отказываются верить мне?

— Венера, — голос Хантера возвращает меня в реальность, — ты здесь?

— Да, — выдыхаю хрипло. — Это не то, чего я ждала.

— К сожалению, не могу помочь тебе с вертолетами и поисковой группой. Но может, помогу по-другому?

— Может, — хватаюсь за предложение Хантера, как за соломинку. Трясу головой, чтобы отогнать панику и сосредоточиться на задаче. — Собственно, ради этого я тебе и позвонила. Связь истинных. Если ты прав насчет боевых действий, то, вероятно, я единственная, кто действительно способен узнать, где находится Рамон. Мне только нужно связаться с ним.

Хорошая новость — Хантер согласился помочь и даже не стал убеждать меня, что ничего не получится. Кажется, ему самому было все это интересно, в качестве эксперимента. Ведь мне нужно не просто связаться с Рамоном. Мне нужно связаться с Рамоном через половину мира. Пугало ли меня это? Нисколько! Я обрела союзника, и меня это вдохновило. Окрылило. Я готова была пробовать прямо сейчас, но — и в этом заключалась плохая новость — Хантер попросил отсрочку на пару часов.

— Что, если он ранен? Сейчас каждая минута на счету! — Вот не время было для промедления, я и так по вине Мика слишком долго ждала!

— Связь проще всего установить, когда истинный ранен или ему страшно, — припечатал Хантер. — Сильнейший выброс адреналина создает такой канал, по которому можно узнать даже местоположение. Если ты его не чувствуешь, он либо мертв, либо с ним все в порядке.

— Спасибо, что успокоил, — не удержалась я от сарказма.

— Как есть, Ви. Я тот еще оптимист, но лучше будь готова к любому раскладу.

Я это понимала. А еще понимала, что Хантер прав насчет адреналина. Я почувствовала Рамона. Почувствовала его боль. Но потом все оборвалось...

Быть готовой к любому раскладу? Готова ли я узнать правду? Какой бы они ни была.

Я переоделась в купальник, от души поплавала в бассейне. Одна, больше никого здесь не было. Потом немного расслабилась в джакузи, которую для меня включили и приготовили девушки. По крайней мере, попыталась расслабиться, раз я сюда пришла. Забираться в бурлящую воду с животом было не очень удобно, но это напомнило мне ради чего, а главное — ради кого, я все это делаю. Ради себя и ради дочери.

Я так и не придумала ей имя, называла «девочка моя», «малышка», «милая». У вервольфов вообще принято, чтобы имя ребенку давал отец, вот я и надеялась, что Рамон успеет до ее рождения. Что сам назовет ее. Подержит на руках.

Я так ярко представила, как Рамон держит на руках нашу девочку, представила его улыбку и ее детский смех, что одинокая слеза скатилась по моей щеке.

Я осторожно стерла ее и поднялась из воды.

Перед глазами все еще стояла сцена, нарисованная моим воображением, но я понимала, что хочу ее увидеть. Я сделаю все, чтобы ее увидеть.

Чтобы Рамон подержал на руках нашу малышку.

Хантер сказал, что позвать своего истинного в обычном состоянии сложно, но возможно. Просто потребуется гораздо больше концентрации, чтобы правильно настроиться. Поэтому оставшееся время до нашего следующего созвона я старательно расслаблялась, дышала и переключала свое внимание с тревожных мыслей о вероятном фиаско.

Я так увлеклась всем этим, что напрочь забыла про Альваро, который ждал меня на диване, в холле комплекса. Заметив меня, он отложил телефон.

Надо бы извиниться, что я так долго, но его это интересует меньше всего.

— Ты дозвонишься? — нетерпеливо спрашивает парень на легорийском.

— Да. И мне помогут. Но занятия сегодня придется отложить.

Второе условие Хантера — никто не должен нам мешать, а изучение вилемейского — лучшее прикрытие.

— Что от меня нужно? — мигом подбирается парень. — Помимо того, чтобы не допускать вашей встречи с альфой Микаэлем?

— Он приходил?

Значит, уже проводил Доминика домой.

— Да, заглядывал. Но я объяснил ему, что ты немного расстроена, поэтому, как любая нормальная женщина в этом состоянии, отправилась в СПА.

Я давлюсь нервным смешком: любая нормальная женщина идет на массаж, а не готовит сессию по настройке канала с истинным. Но кто сказал, что я нормальная? Я всегда была не такой как все. Истинный мне тоже достался не такой, как все. Мы идеальная пара.

— Спасибо, — благодарю я. — Возвращаемся и стараемся не попадаться Мику на глаза.

Но то ли сегодня не мой день, то ли альфа меня поджидает: мы наталкивается на Микаэля в холле особняка.

— Венера, можно тебя на пару слов? — он кивает на кабинет, показывая, что разговор будет личным.

— Может, я зайду к тебе перед ужином?

— Я просто хочу узнать, как ты себя чувствуешь?

Вот честно, только новых приказов мне сейчас не хватало! Раздражение вспыхивает во мне с силой большого костра. У меня десять минут до звонка Хантеру, а Микаэлю хочется окружить меня заботой. Пусть лучше о своей жене заботится!

— Нормально.

Видю, что его это не устраивает: альфа хмурится. Поэтому я добавляю:

— Спасибо, что не пошел на поводу у Доминика и не позволил меня забрать.

Мика даже перекашивает от возмущения.

— Ты член моей семьи, Венера. Мне даже в голову не пришло поступить по-другому.

Такого не ожидала я. Одно дело «член стаи», другое — семья. Кажется, кто-то так и не смог отказаться от брата, хотя изо всех сил старался показать обратное.

— Спасибо, — повторяю я, расчувствовавшись... Который раз за день? — Что-то еще?

Микаэль бросает взгляд на охранников за моей спиной, на Альваро, и видимо решает, что бес с ним, с разговором в кабинете.

— Венера, у Волчьего Союза нет влияния на мою стаю. У нас иммунитет, жив Рамон или нет. Но, боюсь, твоему бывшему альфе не понравился мой отказ, и он может обратиться к ним.

ГЛАВА 4

Первая мысль — Доминик этого не сделает. Он не сделает ничего, что причинит мне вред. Но потом я вспоминаю, что причинять мне вред он действительно не собирается, а вот пользу еще как. Доминика хлебом не корми, дай о ком-то позаботиться, даже если человек или вервольф в его опеке не нуждается. И сейчас он совершенно искренне постарается спасти меня и мою дочь. Вернуть нас туда, где, по его мнению, мы должны быть. Учитывая, что я ему рассказала о нависшей надо мной опасности, в этом просто не приходится сомневаться.

Но Доминик еще умен и недоверчив, так что вряд ли он станет раскрывать Союзу все карты. Я продолжаю в него верить.

— Микаэль, Доминик тоже моя семья. Он мне как старший брат. Ты же не перестал любить Рамона, когда он стал верховным старейшиной? Но я выбрала остаться здесь. Если случится так, что Доминик попросит помощи Союза, просто не отдавай меня им.

Я жду, что Микаэль начнет спорить или скажет что-то вроде того, что семью он не сдает, но вместо этого он произносит:

— Клятва альфы.

Это не просто слова. Они пробегают по коже мурашками осознанием, что это клятва. Клятва, за нарушение которой может пострадать уже сам Мик.

— В пределах разумного, конечно, — поспешно добавляю я, потому что страшно подумывать, на что может пойти Волчий Союз и враг Рамона, чтобы меня заполучить.

— Без компромиссов, — качает головой Микаэль. Таким жестким я его еще не видела, и в этом жесте, взгляде особенно ярко видны фамильные черты, их сходство с Рамоном. — Я тебя не отдам.

В горле комок, потому что это сходство выбивает меня из колеи. Я так скучаю по нему. Невероятно! И вместе с тем все эти разговоры только подкрепляют мою решимость идти до конца.

Да, там уже ждет мой звонок Хантер.

— Мне нужно заниматься вилемейским.

— Хорошо, — наконец-то отпускает меня альфа. — Встретимся на ужине.

Альваро я отпустила вместе с сопровождением от Хавьера, и, если бы не беременность, неслась бы в комнату со всех ног, а так потратила еще несколько минут, прежде чем заперлась в спальне. По-хорошему, не хватало таблички «Не беспокоить», как в отеле, но и так сойдет. Кто бы ко мне не постучался — не открою. Меня ни для кого нет.

Перед звонком даже пришлось снова сделать несколько вдохов-выдохов, чтобы успокоиться, что у меня категорически не получалось. Что, если наша связь не работает? Или я опоздала?

Входящий вызов выдергивает меня из оцепенения. Сколько я пялилась в экран ноутбука — непонятно, но Хантер, видимо, решил не ждать и набрать первым. Отвечаю на видеозвонок и вместо одного вервольфа на экране вижу двоих.

Рядом с Хантером волчица с длинными темными волосами — его супруга и истинная.

— Привет, Венера.

— Здравствуй, Алиша.

По правде говоря, с Алишей я познакомилась за несколько лет до моей встречи с Хантером, мы были в одной стае. Раньше Али можно было назвать невзрачной. Она носила джинсы и растянутые свитера, старалась меньше болтать и существовала в каких-то своих мирах. Но с тех пор, как она обрела свою пару, девушка изменилась даже внешне. Стала решительнее, ярче, красивее, сейчас она будто светилась изнутри.

Интересно, я тоже меняюсь рядом с Рамоном? По версии Доминика, еще как!

— Какая ты красивая, Венера, — получаю я неожиданный комплимент.

— Ты хотела сказать — кругленькая?

— Тебе это к лицу, — смущенно улыбается волчица. Алиша изменилась, а вот своей прямолинейности не утратила. Но даже эта деталь меня радует, я будто оказалась дома.

— Спасибо, — я улыбаюсь в ответ.

— Значит, ты не против присутствия моей жены? — уточняет Хантер.

— Думаю, она здесь не просто потому, что ты ничего от нее не скрываешь.

Алиша хмыкает:

— Вообще-то я вызвалась помочь, — и тут же становится серьезной. — Я сочувствую тебе, Венера. Никому бы не пожелала так надолго расстаться с истинным. Не зная, что с ним. Поэтому я здесь. Хантер полукровка.

— Я не полукровка, — хмурится ее супруг.

— Хорошо, ты особенный волк. Исключительный, — Али обнимает Хантера. Они переглядываются, словно действительно общаются мысленно, но уверенности в этом у меня нет. — Но мой пример нагляднее, я обычная волчица, как и Венера.

Я прикусываю губу, сдерживая нервный смешок. Они такие милые, такие искренние, такие родные, что напряжение понемногу меня отпускает.

— Я благодарна тебе. Благодарна вам.

— За что? — непонимающе смотрит Алиша. — Я еще ничего не сделала.

— За то, что верите, что Рамон жив.

— Конечно, жив. Ты бы почувствовала, если бы это было не так.

— С этого мы и начнем, — вклинивается в наш разговор Хантер. — Расскажи, как ты чувствовала вашу связь.

— Как ты и сказал в прошлый раз. На адреналине. В мой домик... заползла ядовитая змея, а Рамон услышал мой безмолвный крик. Я точно не кричала, потому что боялась ее потревожить, но он все равно меня услышал.

Я решаю опустить подробности про змей, хотя Алише и этого хватает, она даже рот от шока открывает, а вот Хантер выглядит заинтересовано-сосредоточенным.

— Второй раз я сильно расстроилась и убежала в лес, но Рамон все равно нашел меня. Остальные не могли, потому что я беременна...

— И ты скрыла свой запах, — кивает Хантер. Он точно знает о вервольфах больше всех. Я вот, например, этого раньше не знала. — Но твои примеры лишь доказывают, что связь односторонняя.

— Не только! Когда это все случилось, когда Рамон попал в засаду или что это там было, я почувствовала его боль даже сквозь расстояние. Невообразимую боль в сердце. — Даже вспоминать те чувства было ужасно, но я понимала, что если хочу помощи, должна рассказать обо всем. — Но потом все исчезло. Меня словно от него высокой стеной заслонило. У нас получится? Получится до него достучаться?

Я с надеждой смотрю на друзей, а они снова переглядываются.

— Я не просто так пригласил Алишу, — признается Хантер. — Не только потому что она волчица и моя истинная пара. Она еще и психотерапевт.

— Будущий, — поправляет его Али. — Но я знакома с техниками гипноза.

— Если Пересу сейчас не больно, связь на адреналине точно не сработает. Причинять боль тебе — это вообще за гранью. Но мы можем пойти другим путем.

— Поработать с твоим бессознательным, — закончила за него Алиша.

— Я готова на все, только чтобы связаться с Рамоном. — Я уверена в этом на сто процентов. Нет, на все двести. — И я уже сталкивалась с таким. Мой терапевт использовала разные методы, чтобы помочь мне справиться с моими психологическими травмами. Чтобы я могла принять свой опыт.

Алиша кивает, она знает о чем речь. В конце концов, она однажды тоже почти стала объектом желания Августа, и если бы не Хантер, все бы могло закончиться печально. Ей повезло с истинным. И мне тоже повезло. Спустя столько времени мне повезло полюбить, поэтому я действительно готова на все.

— Сядь поудобнее, — советует Алиша. — Закрой глаза, сделай глубокий вдох и с выдохом отпусти все свои мысли. И снова вдох...

Ее голос изменился, стал более глубоким, обволакивающим, затягивающим. И я сосредоточилась исключительно на нем, пошла за ним следом, расслабляясь и ныряя все глубже и глубже.

— Вспомни самый яркий момент, когда вы с Рамоном были близки. Когда ты особенно отчетливо чувствовала его как своего истинного.

Таких моментов множество, но перед глазами почему-то встает миг, когда Рамон закрыл меня от пуль. Я тогда почувствовала его боль, как свою. Пожалуй, не самое лучшее воспоминание, но когда я пытаюсь взять другое, меня снова выбрасывает в тот день. Я решаю — пусть будет так.

— Почувствуй то, что ты чувствовала тогда. Что ты чувствовала? Любовь? Нежность?

— Страх, — отвечаю тихо. — Я боялась за него. И благодарность. И любовь, да. Ее совершенно точно.

В тот день Рамон предложил мне уйти, чтобы не подвергать мою жизнь опасности. После того, как спас меня и дочь. Предложи он это до, я бы, может, подумала, но не после.

— Запомни эти чувства, — мягко советует Алиша и добавляет: — А теперь попробуй представить его, где бы Рамон ни был.

Я просто делаю, как она говорит, но у меня не получается. Снова эта высоченная стена, через которую никак не пробиться.

— Не выходит.

— Просто представь.

Ей просто, но это совсем непросто. Внутри себя я мысленно колочу по этой стене, знаю, что за ней может быть Рамон, но все без толку.

— Тут стена, — чуть ли не плачу я.

— Всего лишь? Ты можешь ее пройти.

— Не могу! Не могу ее сдвинуть.

— А что можешь?

Слова Алиши будто включают во мне свет идеи. Я не могу пройти сквозь стену, но могу представить ее прозрачной, что я и делаю. Представляю, как плотный камень медленно превращается в стекло. Мутное, размытое, но я могу рассмотреть сквозь него хоть что-то.

И я вижу Рамона!

— Я его вижу!

Сердце бьется как сумасшедшее. Это и радость, и облегчение, и наверное бешеный адреналин.

— Что он делает?

— Стоит ко мне спиной.

— Попробуй его позвать.

— Рамон!

Увы, он не оборачивается, вообще никак на меня не реагирует, когда я уговариваю его посмотреть на меня, и чем я с досадой делюсь с Алишей.

— Это неважно, — не позволяет она мне упасть духом. — Просто оставь ему послание, чтобы связался с тобой. Как можно скорее.

— Рамон! Рамон, пожалуйста, услышь меня. Где бы ты ни был. Ты мне нужен.

Стена между нами вырастает так резко, что я не успеваю больше ничего сделать.

Я прихожу в себя на том же стуле, щеки мокрые от слез, а чувство такое, что я пробежала марафон. Хантер и Алиша на месте, разве что сейчас здорово обеспокоены.

— Не получилось? — интересуюсь расстроено.

— Это ты скажи, — говорит молчавший на протяжении сессии Хантер.

— Я его видела, но, кажется, не смогла достучаться. Надо попробовать снова!

— Не сегодня, — отрезает Алиша. — Может, через два-три дня. Тебе нужен перерыв, чтобы восстановить силы.

— А Рамону нужна помощь, — рычу я, поднимаясь со стула. Могла бы, вскочила.

— Сейчас мы сделали все, что могли. — Кто бы мог подумать, что Али может быть такой непреклонной? — Передали ему сообщение.

— А если оно не дошло?

— Мы сделали все, что могли, — заканчивает наш спор Хантер и смотрит на меня пристально: — Ты сделала все что могла.

Тогда почему я чувствую себя такой беспомощной?

Рамон

— Рамон! Рамон, пожалуйста, услышь меня. Где бы ты ни был...

— Венера?

Ее голос выдергивает меня из сна в реальность. Можно сказать, выводит по тропе. А в реальности я не могу пошевелиться, не чувствую своего тела. Боли нет, но и сил тоже нет. Я даже не могу определить в какой я сейчас ипостаси.

Хочется снова соскользнуть в этот туман, но она сказала, что я ей нужен. Венере нужна моя помощь. Веки словно свинцовые, даже они не слушаются, но я все-таки приподнимаю их, продираю глаза.

Понимаю, что все вокруг серое, а значит, сейчас я волк. Это хорошо, потому что так я быстрее восстанавливаюсь. Плохо, что я по-прежнему не знаю, где я.

Новое усилие — и я снова открываю глаза. Лежу на полу возле какой-то стены, и вокруг меня тоже стены. Палатка? Нет, просто грубо сколоченная, миниатюрная хижина. Глиняные плитки в углу, маска на стене, мерзкий травянистый запах повсюду, который затмевает даже запах моей крови.

Почему я ничего не чувствую?

Венера. Хочется прошептать ее имя, но язык тоже не слушается.

В хижине появляется женщина, темнокожая, странно одетая в какие-то яркие тряпки. От нее тоже пахнет этими травами. Точнее, от плитки, которую она принесла.

— Хэла. Мэла. Ир, — говорит она, приближаясь ко мне.

Венера.

Конечно, я не могу прошептать ее имя, я же волк. Поэтому просто рычу.

— Хэла. Мэла. Ир, — повторяет незнакомка без страха, но я не могу понять, что она хочет. На каком языке она вообще говорит. И чем меня опоили?

— Хэла!

Венера. Я ей нужен. Моя пепла.

Незнакомка продолжает бормотать неизвестные слова, похожие на песню, и кладет ладони мне на голову. И мир начинает кружиться.

Нужен.

Кружится и кружится. И я вместе с ним, пока не проваливаюсь в ничто.

ГЛАВА 5

Рамон

Рамону кажется, что он существует в этом Ничто, и только короткими урывками, силой воли выталкивает себя в другой мир, который представляется каким-то сном, потому что теперь у него иная реальность, темная и муторная. Он выталкивает себя из нее, чтобы снова натолкнуться на мерзкую вонь трав и четыре стены, в которых он будто в клетке. Правда, это не стены сдерживают его, его держит собственное тело. Оно не слушается приказов разума, да и нет никаких приказов. Его сознание настолько затуманено, что в нем живет лишь единственная мысль. Даже не мысль, имя — Венера.

— Ты мне нужен.

Рамон больше не слышит ее голоса, по крайней мере, так отчетливо, но память о ней живет внутри и заставляет раз за разом пытаться прийти в себя, пошевелиться и открыть глаза хотя бы на треть. Но всякий раз, когда он это делает, в хижине появляется дикарка, а стоит ей прикоснуться к нему, Рамон вновь возвращается в Ничто, и нет этому конца и края.

Чем она его травит?

Если он приходит в себя, значит, выжил, значит, запустился процесс восстановления, и он должен все чувствовать. Но не чувствует.

Значит, его чем-то травят. Наносят на его раны. В том, что он ранен, сомневаться не приходится, потому что память ему не отшибло. Он был внутри вертолета, когда тот взорвался, и помнил каждый миг дикой боли, разрывающей тело на части. Может, он не чувствует лап, потому что их нет? Но лапы есть, в этом он убеждается при следующем пробуждении. Они просто не слушаются его.

Вспоминать о боли — последнее, что ему хочется, поэтому он думает о Венере. О ее улыбке, о ее голосе.

— Ты мне нужен.

Он ей нужен. Своей малышке.

Ему нужно подняться.

Подняться...

Рамон не знает, сколько это длится. Сколько раз он засыпает и просыпается, но однажды он просто открывает глаза и больше не ощущает этого дурмана. Его сознание удивительно ясное. Как у вервольфа, который хорошенько выпался. Разве что вскочить на лапы не получается, тело по-прежнему как желе и не слушается. Да и лап нет, есть руки и ноги. Которые точно на месте и больше не ощущаются отдельно от него самого.

По телу растекается невероятная слабость, но она ничто по сравнению с прошлой беспомощностью. Он шевелит пальцами левой руки. Шевелит пальцами правой. Пытается согнуть ноги в коленях, но на это уходят почти все силы, поэтому приходится снова растянуться на набитом соломой тюфяке.

Хорошо, лучше отдохнуть пять минут, а потом можно и подняться. Хотя бы сесть. К телу возвращается чувствительность, боль, покалывание, но они как те насекомые, которых достаточно в этой хибаре, на них можно не обращать внимания. Боль позволяет чувствовать себя живым.

Отдохнуть он не успевает: в хижине появляется та женщина в ярких тряпках, которые служат ей одеждой. Она не удивляется тому, что огромный волк теперь человек — выходит, уже видела его. Ну и плоски с вонючей мерзостью у нее в руках нет. Это ничуть не снижает градус его настороженности, но Рамон медленно изучает своего врага. Оружия у нее тоже нет,

разве что незнакомка собирается душить его голыми руками или длинными, заплетенными во множество мелких косичек, волосами.

— Мэла, — она вдруг грациозно опускается на колени и склоняет голову.

Красивая женщина перед ним на коленях — нормальное явление из его прошлой жизни, но не в этой дикой ситуации. От того, кто тебя травил по меньшей мере неделю, такого не ждешь. Рамон хочет спросить, что вообще происходит, но в горле так сухо, будто в рот насыпали песка, поэтому он заходится в кашле. Дикарка вскакивает и выбегает из хижины, чтобы спустя минуту вернуться с водой в глиняной чаше.

Да, там может быть очередной яд, но ему уже все равно: Рамон позволяет ей помочь ему сесть, прислонившись к стене, и припадает к воде, которая оказывается ледяной. Кашляет снова, но пьет. Быстро. Жадно. Яд он выведет, а вот от обезвоживания регенерация лишь замедлится.

Несмотря на опасения, с каждым глотком в голове проясняется. Дурман рассеивается, и у него получается самостоятельно обхватить чашку двумя руками.

— Еще, — просит Рамон.

— Ир-ир, — кивает незнакомка и приносит еще полную чашу.

Пока Рамон пьет она не смущаясь рассматривает его, а он рассматривает ее. Кожа черная, будто уголь, тело сильное, мощное, высокий рост и крупные черты лица. Начиная от густых бровей и заканчивая большим ртом. А вот глаза у нее ярко-синие. Она терпеливо ждет, пока он закончит, и забирает чашу из его пальцев, когда Рамон перестает пить и запрокидывает голову.

— Где я?

— Ир-ир.

— Ты не знаешь моего языка, я понял, но может его знает кто-то еще?

— Ир-ир?

Она тараторит что-то еще, но он ничего не понимает. Ни одного бесового, как говорят на родине Венеры, слова!

Но язык жестов никто не отменял. Собравшись с силами, Рамон показывает на себя, а потом обводит головой хижину:

— Где. Я?

«Ир-Ир», так он решает назвать незнакомку, оказывается понятливой. По крайней мере, она выхватывает из своей прически палочку, подозрительно похожую на птичью кость, и начинает рисовать ею прямо на земле.

Солнце. Море. Берег. Зверь. Раненый. Это он.

Не просто раненый зверь. Зверь упавший с неба и благословивший ее.

Не только ее. Ее племя. Ее народ?

Кажется, вопрос, где он, становится как нельзя актуальнее.

Впрочем, это даже не вопрос. Вертолет Илайи разбился возле земель Джайо, племен, что не признают технического прогресса и живут обособленно. Это объясняло и то, что речь Ир-Ир не была похожа ни на один известный Рамону язык. А он мог свободно изъясняться на восьми! Тут же приходилось вспоминать как рисовать.

Первый раз его хватило на то, чтобы «поинтересоваться» сколько прошло дней. Нужно было знать, сколько времени он провалялся в бреду. Сколько он потерял. К счастью, дикарка оказалась сообразительной и корявое падающее солнце сразу признала за световой день. И сразу же показала на пальцах.

Две ладони и шесть пальцев. Шестнадцать. Больше двух недель?!

Силы в теле закончились, и он свалился прямо на тюфяк. Но не выключился, не уплыл в ничто, как в прошлый раз, что было уже огромным достижением. Лежал так, пока хижина не перестала «шататься» перед глазами. А за это время Ир-Ир успела выйти и вернуться с новой

плошкой и новым запахом. Не отвратительным, как он помнил, наоборот. В плошке оказался жутко аппетитный мясной бульон.

Желудок сжался в комок, напоминая ему, что две недели там было пусто. Поэтому Рамон пил бульон потихоньку, чтобы все пошло туда, куда нужно, а не попросилось наружу. Еда придала сил, его больше не качало, и можно было продолжить разговор. Пусть даже такой странный.

Первое, что он понял — он не пленник. Скорее, особо важный гость. Ир-Ир называла его Мэла.

— Рамон, — представился он, прижав ладонь в груди.

— Ра-Мон, — повторила женщина. Он так и не определил ее возраст, но она была молода и полна сил. — Наи-Ла.

Наила. Вот они и познакомились.

А вот «мэла» означало что-то вроде божества. Владыки у людей или предков у вервольфов. Кстати о вервольфах: Наила была человеком, но на ее одежде сохранился аромат волков, да и за пределами хижины ощущались его сородичи.

Поэтому следующим был вопрос: кто еще выжил после взрыва?

Дикарка развела руками и покачала головой.

Значит, никто. Ни Илайя, ни парни Хавьера. Только он.

Посланник небес для народа Наилы.

Каждый выживший испытывает вину за то, что он жив, тогда как другие мертвы, но Рамон затолкал это чувство куда подальше. Он жив — это главное. Он нужен Венере. И дочке, которая родится совсем скоро. Стоило ему о них подумать, как силы вернулись. Он готов был хоть сейчас бежать, идти, ползти с этого проклятого архипелага, только бы к ней.

— Мне нужно вернуться домой.

Рамон показал на потолок хибары, пусть Наила считает его упавшим с неба, это неважно, главное, чтобы помогла отсюда выбраться. Он уже догадался, что она его вовсе не травила, судя по трепетному отношению дикарки к «божеству» — Наила его лечила. Очевидно, от полученных от взрыва ожогов. Даже думать не хотелось, в каком состоянии он был, если на восстановление понадобилось столько времени.

— Верну-Ться? — повторила сложное слово Наила и покачала головой: — Ир-ир.

— Нет?

— Не-ть.

— Почему?

Она затараторила что-то на своем, и теперь Рамон с досадой понял, что чувствовала себя Венера впервые оказавшись на его острове и почему так на него злилась. Он тоже злился на Наилу. На Наилу ли? Исключительно на себя. За свою беспечность. За свою беспомощность. Но эти чувства он отправил вслед за чувством вины. Самобичеванием он займется позже, когда выберется отсюда и обнимет свою женщину. Потом можно наслаждаться этим чувством неделями, а сейчас ему нужен холодный разум.

Наила перестала тараторить и снова взялась за рисунки: стерла ладонью его каракули и принялась вырисовывать свои сюжеты. С ее «слов» выходило, что пути с земель Джайо нет. За пределами архипелага живут *хэлаиры*, которые не почитают богов и уничтожают их творения: растения, воду, воздух, горы. Общаться с ними нельзя, иначе будешь проклят.

— Я тоже хэлаир, — напомнил Рамон, чем насмешил свою спасительницу. Она прыснула со смеха.

— Не-ть. Хэлаир ир. Не-ть хэлаир. Ты мэла Ра-Мон.

— Святой, ага, — ему было совершенно не до смеха. Особенно, когда Наила нарисовала его на архипелаге, и у нее получился безумно радостный волк. По версии аборигенки, он должен был быть счастливым, что упал именно к ним.

— Если с вашего архипелага нет дороги, то как ваши джайо украли мою сестру?
Не говоря уже о боеголовках, которые были явно не гневом предков.

Конечно, она его не поняла, пришлось рисовать, и с каждой его черточкой настроение Наилы портилось. В финале она вовсе разозлилась, подскочила и от души потопталась на его «творении». При этом выдала длинную, заковыристую тираду. Только спустя минуту опомнилась и плюхнулась на землю. Ответ она «писала» размашисто и торопливо.

И этот ответ ему совсем не понравился. На архипелаге есть нормальные племена, как племя Наилы, а есть ненормальные отступники. Плохие хэла. Они-то и могли украсть Мишель.

Вообще это выглядело так: «Если она такая, как я».

Такая как Наила? Нирена? Наила нирена? Неожиданно. Конечно, ценность Мишель как нирены высока, но это в мире вервольфов. А в мире дикарей Джайо?

— Для чего? — сквозь сомкнутые зубы процедил Рамон. — Она тоже святая?

Ответ, мягко говоря, поразил. Рамон даже сначала решил, что ошибся, но Наила повторила.

Мишель нужна была для детей. Это понятно. Но еще для власти.

Для нового племени.

Рассказывать больше Наила отказалась, пообещала все показать, а он должен был все понять, когда увидит. Рамону хотелось увидеть все срочно, но проклятая слабость никуда не делась. Его даже их рисовальная переписка вымотала, он не помнил, когда вообще ощущал себя настолько слабым, но такова была цена его жизни, и это было важнее головокружения и бессилия. Даже перекинуться в волка не выходило! Поэтому оставалось отдыхать и есть побольше мясного бульона. Много бульона Наила не приносила, всего лишь еще две плошки, и он понимал почему: желудок отвык от нагрузки. Но все равно силы понемногу к нему возвращались, к вечеру он смог подняться и вывалиться из хижины-палатки. Причем сделал это раньше, чем вернулась дикарка.

За пологом, заменяющим дверь, оказалась тропическая звездная ночь и целая деревня из таких вот домиков. Все деревянные, с крышами из сухих листьев. Три домика в центре, потом круг побольше, а за ним еще больше: сверху, наверное, это выглядело как гигантский цветок, но убедиться в этом пока не представлялось возможным. Никаких атрибутов современного мира здесь не наблюдалось: ни электрических проводов, ни спутниковых тарелок, ни даже простых рукомоильников. Между хижин горели небольшие, вбитые столбами факелы, они и освещали деревню. Деревню и его жителей. Последних было немало: мужчины, женщины и дети. Босые, все в ярких тряпках и украшениях из косточек и зубов. У Рамона возникло чувство, словно он попал на съемки фильма про доисторическую эпоху, или его забросило напрямик в прошлое. Потому что даже племя риеку, с которыми он сталкивался, несмотря на скромные жилища в саванне, носили кроссовки и знали что такое вай-фай.

Но риеку были человеческим племенем, а деревня Наилы...

Стоило ему покинуть хижину, выйти наружу, как жители деревни один за другим начали вскидывать головы, принимаясь и поворачивать в его сторону головы. Впору было подумать, что на нем до сих пор та травянистая мазь, с помощью которой его лечила Наила, но дело было не в этом.

Вервольфы. Абсолютно все. Не племя. Стая.

В которой живет единственный человек Наила. Точнее, не человек, нирена, которая считает его божеством, и, судя по всему, не только она одна. Потому что все вервольфы, что сначала настороженно наблюдали за тем, как он шел между хижин, начали склонять головы. Кто-то почтительно, кто-то дрожа от страха, а один из мужчин, огромный, на голову выше самого Рамона, застывший со сложенными на груди руками, ограничился простым кивком — вежливо, на равных. В нем легко угадывался альфа. Угадывался бы, будь это мир Рамона. С этим

же архипелагом и с их правилами все не так однозначно. Он это чувствовал, но все равно подошел к застывшим возле великана вервольфам.

— Ты главный? — Кажется, он здорово натренировался в языке жестов, потому что великан его сразу понял. Строгий взгляд зажегся смехом, он мотнул головой и указал на подошедшую с другой стороны дикарку.

Она?

Это была то ли шутка над упавшим с неба и ударившимся головой божеством, то ли сложности перевода, то ли... Последний вариант был самым невероятным, самым удивительным — стаяй управляет женщина.

Нирена-альфа.

— Ты альфа? — пораженно выдохнул он, и мог поклясться, что дикарка его поняла. Это вполне объясняло, почему именно Наила общалась с ним. Почему все склонялись перед ней, как еще мгновение назад перед ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.